

Время в болгарской языковой картине мира

ВАЛЕНТИНА АВРАМОВА
(Шумен)

Время, наряду с пространством, – одна из форм восприятия, возникновения, становления, течения и разрушения всех явлений бытия. Время связано с установлением причинной связи между прошлым, настоящим и будущим. Изучением времени занимаются многие точные и гуманитарные науки.

“Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по самой сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обычной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год” (Ньютон И., *Математические начала натуральной философии*. Пг., 1915-1916, с. 30 – цит. по Степанов 2004: 232-233).

Философское определение времени связывает время с человеческим сознанием, без осознания человеком, нет времени: “время (*Zeit*) – это внутренне воспринимаемый человеческим сознанием образ изменения: возникновения, совершения, протекания, перехода в мире, все это вместе с содержанием в них” (Шмит, Шишков 1997: 116).

В лингвистике изучению времени и временных отношений посвящено немало исследований различного характера: с позиции грамматики (Всеволодова 1975; Пете 1976; Станков 1969; Тураева 1979 и др.), в том числе функциональной грамматики (Иванова 1998 и др.), семантики (Вежбицка

1972; Падучева 1999 и др.), психосемантики (Петрова 1995₁, 1995₂, 1997 и др.), исследуется время дискурса (Падучева 1988; Кронгауз 1989, 1990 и др.), а также некоторые связанные с временем явления с применением антропоцентрического подхода (Яковлева 1994, 1995, 1997; Шмелев 2002 и др.). С позиции лингвокультурологии интерес представляет то время, которое, по свидетельству Е.С. Яковлевой, О. Дюкро и Ц. Тодоров (Ducrot, Todorov 1983) классифицируют как “психологический феномен и носит название *lived time* – время жизни, плана существования, переживаемое и проживаемое время” (Яковлева 1994: 85). “Время жизни” (переживаемое время) тесно связано с национальным менталитетом, если не во всех, то во многих ипостасях, в которых оно проявляется, ибо “человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит” (Гуревич 1972: 84).

В болгарском языковом сознании *время* воспринимается как длительность существования всего происходящего в бытии, измеряемая секундами, минутами, днями, годами и т.п. Обозначения времени в языке основаны на пространственной метафоре, (ср. “выражения, описывающие изменения времени [...] иначе как метафорически описать нельзя” (Апресян 1995: 462), и эта метафоризация является типичной для многих языков, поскольку пространственная ориентация мира онтологически предшествует его временному восприятию, ср., напр. болг. *времето тече, чертае, минава (неусетно), върви (бавно, бързо), изнизва се, губя си времето*; рус. *время идет, летит, тянется, терпит, не ждет*; фр. *le temps coule, vole, passe*; англ. *the time presses, the time has arrived/is ripe(for), the time goes by, the time is getting on*, ит. *il tempo passa lentamente* (“время идет медленно”), *il tempo stringe (preme, incalza)* (“время не ждет, прижимает”).

Ориентируясь во времени, человек воспринимает его как время циклическое и как время линейное. Циклическое время характеризуется последовательностью однотипных событий, “жизненных кругов”, вращением по кругу – это представление о времени характеризует архаические цивилизации (Лотман 1987; Мурьянов 1978; Мелетинский 1991), в их мирозерцании отсутствуют идеи “начала” и “конца”, например “индуское” сознание или представление движения истории как круговорот, характерное и для древнегреческого мирозерцания. С появлением христианства человеческое сознание познало идеи развития, идеи начала и конца: “Порвав с циклизмом языческого мирозерцания, христианство восприняло из Ветхого завета переживания времени как эсхатологического

процесса, напряженного ожидания великого события, разрешающего историю, – пришествия Мессии” (Гуревич 1972: 99). Модель мира современного человека, однако, не строится на основании только линейности или только цикличности времени: в его сознании соединяются характеристики этих двух типов восприятия времени. Мифологическая модель времени, например, является дихотомической – “начальное время/эмпирическое время”, имеющее линейный характер, дополняется циклической моделью времени (см. об этом Мелетинский 1980: 253). В современном болгарском сознании превалирует идея христианского понимания о линейности времени, его невозвратимости, неповторимости, необратимости событий в жизни, идея, выраженная в ряде устойчивых сочетаний, напр., *Изгубеното време никога не се връща, Времето, каквото отнесе, назад го не връща, Времето хвърка и никога не се завръща, Времето хвърчи, не се стига, Времето човека не чака, човек чака времето*. В языке поэзии время принимает неожиданные метафорические воплощения: *Магесника враждебен, / Времето ни дебне; в лабиринт вълшебен / Времето ни гони, - тъмна суета!* (Д. Дебелянов).

Метафорическое переосмысление лексемы *время*, а также некоторых наименований отрезков времени, можно определить как универсальный процесс – во многих культурах такие названия как *день, время* употребляются в значении “жизнь”. В болгарском языке сочетание с лексемой *ден* в форме ед.ч. употребляется в значении “хорошая, счастливая жизнь”: *виждам бял/благ ден* и с отрицанием глагола в значении “тяжелая, безрадостная жизнь”: *не виждам бял ден*. Ср. сочетания с этой же лексемой в других культурах: фр. *donner le jour* (букв. “дать день” – дать жизнь, родить), *ravir le jour* (букв. “отнять день” – отнять жизнь), ит. *ha i giorni contati* (“его дни сочтены”). Значения “тяжелая, трудная жизнь” и “приближаться к концу жизни” отмечены в сочетаниях с лексемой *ден* в форме мн.ч.: *черни дни, имам още дни, дните ми са преброени, скъсяват ми се дните* (ср. в русском языке *дни сочтены, идти к закату дней, до конца дней*); *О, дни, де свършва вашият път, / де тъй в безумна надпревара?* (Д. Дебелянов)

В некоторых сочетаниях *време* осмысливается как часть жизни, притом отнюдь не молодые годы, *време* маркирует зрелый и пожилой возраст в жизни человека, ср. *до едно време (ми се иска да правя нещо)* “до определенного возраста”, *отживявам си времето, минава ми времето* “молодость уходит, а вместе с ней и силы человека”. В данном употреблении движение времени ограничивается каким-либо одним периодом, циклом, характеризующим

отдельного индивида и являющимся уникальным только для этого индивида. Очевидно, в этом случае сохранилось древнейшее восприятие цикличности времени, ср. *Неведа черна заслони / бездънното небе на мойто Време / и то ми праца днес ноци и дни, / които само Тя ще ми отнеме* (Д. Дебелянов) – цикличность индивидуальная, конец которой ставит смерть – *Тя*.

В болгарском языковом сознании роль маркера *жизнь* могут выполнять также лексемы *пладне* и *ночь* (или ее синонимы *мрак*, *темнота*), напр. *Сега преваляше неговото пладне, много от пътя бе извървян. Той бе познал възходите и паденията на собствения си дух, бе опознал страданието* (Ем. Манов), *Под ноц тикви цъфтят* – диалектное выражение употребляется по отношению к пожилому человеку, который все еще трудится. Болгарскому языковому сознанию также не чуждо восприятие возрастных этапов жизни, которые определяются названиями частей суток – *утро*, *полдень*, *ночь*. Расчленяя жизнь индивида, они мыслятся как вместилища событий, переживаний, эмоций, воспоминаний, ср. *Спомни си как препускаше дива и побесняла / в ранното утро по равното като хала. / Но сега е обед. Сега е горещо и стръмно. / Дръж се, любов! Дръж се, има време да стане тъмно* (Н. Йорданов).

Е.С. Яковлева высказывает мнение о том, что концептуализация времени по параметру “качество” имеет много общего в языковом мышлении славян и “поэтому сопоставления в рамках славянской группы языков представляются менее интересными” (Яковлева 1994: 195), хотя признает, что близость славянских языков таит в себе и трудности при анализе материала. Близость славянского типа мышления, разумеется, не исключает возможности проявления национально-специфического восприятия мира. Факты анализа материала доказывают правоту этого утверждения.

В смысловом наполнении и употреблении лексем *миг*, *мигновение*, *момент*, *минута*, *секунда* наблюдаются некоторые особенности, характерные для болгарского языкового сознания.

Синонимичность рассматриваемых слов (РБЕ 9: 415, 486, 639) не всегда поддерживается текстом: в некоторых текстах слова данной ЛСГ могут замещаться, например, *размисли един миг (момент, една секунда, минута), нито за минута (миг, секунда, момент) не съм се съмнявал, остана за минута (секунда, миг, минута) вън*, но в других текстах глагол однократного действия ограничивает возможность замещения, например, *Пламъкът трепна за миг (за секунда, за момент, но *за минута) и изчезна, като че*

някой го дръпна назад, Двамата съпрузи се погледнаха за момент (миг, секунда, но *за минута) равнодушно и отчуждено (Д. Ангелов).

Если составить микропарадигму кратковременности действия, представляющую лексемы данной ЛСГ, то эта парадигма имела бы следующее построение: секунда – миг, мигновение (книж.) – момент – минута. Секунда, миг, мигновение взаимозаменяемы, хотя мигновение имеет стилистически ограниченное употребление (*Ни мигновение покой и мира - / вървим, що значат път и брода?* П. Яворов): (1) *трепна за миг (секунда)*, (2) *мигове (секунди) след това ме повикаха*, (3) *от мига (секундата), в който излязох*, (4) *Това трая мигове (секунди, минути), които му се сториха безкрайни* (П. Вежинов); в (2) и (4) возможно употребление слова минута, но теряется значение кратковременности, характерное для миг и секунда. Момент содержит идею времени, не столь кратковременного, как в миг и секунда, но менее ограниченного по характеру продолжительности, чем минута, ср. *Извинявай, но в момента съм много заета и не мога да ти обърна внимание, Сега беше дошел удобен момент да направи това* (Д. Димов) – здесь наблюдается невозможность замены лексемы момент синонимом. Ср. также логическое следование маркеров различной кратковременности в следующем тексте: *В смущението си изтървах удобния момент да разгледам добре непознатия, който идеше насреща ми... Достатъчен се оказа обаче само някакъв миг, за да се проясни съзнанието ми* (К. Георгиев). Перестановка лексем момент и миг невозможна. Находясь между двумя различными показателями кратковременности, момент может взаимозаменяться с лексемами, выражающими эти показатели, например, *Корпусът на парахода така силно заскърца, сякаш всеки момент (миг, секунда) ще се разглови* (Г. Белев), *След минута (миг, секунда, момент) той нагази в хрсталака в дъното на дола* (Ив. Вазов). Среди рассматриваемых лексем минута содержит значение “наибольшей продолжительности”, и поэтому во многих текстах не терпит замены синонимами. Минута не только “растянута” во времени, это время заполнено событием, значительным для индивида или требующим больше времени, ср. *И настъпи още по-тежка минута, когато се свърши четенето на имената* (К. Величков), *Никога през живота си не бе отделял и минута за тоалета си* (Д. Калфов). Минута, также как и любое обозначение отрезка времени может иметь и метонимическое значение отрезка действительности, заполненного событием, ср. *и голос 13-ого года* (Ахматова, “из эпохи 13-ого года”), ... в определенном смысле XIX век на Западе еще продолжается (Бродский,

“социальные структуры, характерные для XIX века, на Западе сохранились”) (примеры из: Падучева 1999: 772), англ. *office hours* (рабочее время), *dead hours* (глухая ночь, глухая пора), *Zero hour* (перен. решительный час), фр. *le grand siècle* (век Людовика XIV), *en temps de paix* (в мирное время, когда не было войны).

В употреблении этих слов присутствует не только количественная характеристика времени, но также и субъективное восприятие индивидом происходящего, ср. например, оксюморонные сочетания в текстах: *Какво избирам – кратка вечност? / Не знам... или безкраен миг?* (Н.Йорданов), *Тази любов е в безкрая единствена. / Миг като вечност* (Г. Константинов). Реальное обозначение кратковременности события и восприятие субъекта могут не соответствовать друг другу, ср. (1) *В секунда, равна на година, / напразно чакам послеслов... / Преди да дойде си замина / несподелената любов* (Г.Константинов); (2) *За един миг Македонски мина през двора* (Ив.Вазов) – в секунде (1) содержится продолжительное ожидание, и вряд ли в один миг (2) можно перейти двор, напряженность ситуации обостряет восприятие.

Членение сутки в болгарской картине мира.

В болгарском языковом сознании членение суток (*денонощие*) тесно связано с распорядком рабочего дня в деревне и связанными с ним действиями. Хотя некоторые из этих обозначений не являются актуальными для современного образа жизни, или являются таковыми в местах, в которых люди придерживаются старинного образа жизни, основные названия частей суток и их предназначение практически остались такими же и по сей день. Самое крупное разделение суток на части во всех, пожалуй, культурах, это *день* и *ночь* (*ден* и *нощ*). *День* определяется астрономически как часть суток от восхода до захода солнца, как время, когда светло; *ночь* – часть суток, время от захода до восхода солнца, время мрака, темноты. Кроме того, *день* определяется как время, отведенное для совершения каких-либо занятий, время, предназначенное для работы. Ночь предназначена для отдыха, но таинственность, порожденная темнотой и приведшая к появлению предрассудков и народных поверий, стала причиной для появления в языке устойчивых метафорических и метонимических сочетаний с опорным словом *ночь*, в большинстве своей с негативной семантикой, например, *ночная бабочка*, *нощна пеперуда*, *night-bird*, *night-hawk* “проститутка”, *нощ на робството* “ночь рабства”, *нощна птица*, *нощно пише*, *ночная птица* “гуляка-полуночник, гулена; тот, кто работает, занимается ночью”, *night-cellar*

“сомнительный кабак”, *la nuit des temps* “беспросветное Средневековье”, *нощта на ден прави* “превращать ночь в день”.

Първи, втори и трети петли (“первые, вторые и третьи петухи”) являются предвестниками утра, а значит, и начала рабочего дня. Эту часть суток в народе называют еще *петляно време* (“время петухов”) – это время локализуется примерно с трех до пяти часов до утра. С этим временем связан, и метафорические сочетания, бытующие в разговорной речи, например, *ставам с петлите* “вставать очень рано, когда еще темно”, *стояхме до втори петли* “провести время дома или в гостях почти до утра”. Пение петухов готовит людей к наступлению утра – началу рабочего дня. Переход между ночью и днем, мраком и светом, между *трети петли* и *утро* в болгарском языковом сознании происходит постепенно. Энантисемичное *здрач* и его синонимы *здрачевина*, *здрачина*, *сумрак*, обозначают время до утра, до восхода солнца (а *здрач* – и время к вечеру, после захода солнца), когда на горизонте еще нет зари, но воздух начал светлеть (а вечером, когда ночь еще не спустилась). В *дрезгавина* уже ощущается слабый свет, *полумрак*, слово тоже отличается энантисемичностью, ср. *Най-после в бялата стая проникна бавно утринната дрезгавина, светлината на лампата стана съвсем печална и жълта.* (П. Вежинов); *Вечерната дрезгавина бавно се спущаше над града, по улиците хората изглеждаха като сенки.* (М. Кремен). И уже *съмва се, развиделява се* “начинает светать”, но солнца еще не видно. *Зора* (румяный свет на горизонте) символизирует рассвет, восход солнца, ср. *Чрез съдействието на приятели, ..., той излезе от Шумен още по тъмно, преди зори.* (Ив. Вазов); *Ще видим, щом се пукне зора, как всеки цвят ще се отърси, ще трепне всяко листо.* (П. Тодоров). В узусе употребительно оксюморонное сочетание *тъмни зори*, употребляющееся в значении “очень рано”, например, *Всяка заран, още в тъмни зори, бай Младен грабваше рибарския прът ... и слизаше долу на брега* (Д. Калфов), *Открай до край, докъдето ти око види, се люлеят златни ниви и морни работници се мяркат там от тъмни зори* (Ел. Пелин).

Синонимический ряд *утро*, *сутрин*, *утрин* (поэт.), *заран* (разг.), *отзаран* (диал.) имеет ряд отличий в концептуализации утра в “болгарском”, “русском” и “западном” видении мира, несмотря на наличие более или менее точных эквивалентов в этих языках (например, для слова *утро* – рус. *утро*, англ. *morning*, фр. *matin*, нем. *Morgen* и т.д.). По данным словарей в болгарском языке все указанные слова в одном из своих значений семантически эквивалентны – “начало дня, первые часы дня”, но в узусе они не всегда вза-

имозаменяемы, например, в тексте *Светло утро, ти прокуди / всяка пара и мъгла*. (Н. Лилиев) невозможно употребление лексем *сутрин* и *заран*, так как *утро* характеризуется меньшей протяженностью во времени, чем указанных два слова; в *утро* локализуется точно определенный момент начала дня, после которого следует *сутрин*, *утро* не заполнено событиями, *утро* – символ, поэтому лексема может быть употреблена метафорически (ср. *в утрото на светла ера / с факела на нова вера* (Хр. Смирненски), но не **в сутринта*). Итак, *сутрин* продолжает день и длится приблизительно до 10-ти (11-ти) часов до обеда, но может быть “растянута” во времени, ср. *Станахме в 4 часа сутринта и тръгнахме*, т.е. в четыре часа после полуночи, (но *в 3 часа* – это уже *през нощта* “в 3 часа ночью”), ср. в западных языках *one, two in the morning, une heure, deux heures du matin* (Шмелев 2002: 58); *Цяла сутрин го чаках, но той не дойде*, т.е. возможно, что эта *сутрин* длилась до обеда, до 12-ти часов пополудни, в данном контексте *сутрин* ограничивается только светлой частью времени.

Светлая часть дня до обеда (12 часов пополудни) в болгарском сознании идентифицируется как *предиобед*, а после обеда – как *следобед*. Так, рабочее время учреждений, магазинов и т.п. обозначается как *от 10 до 12 предиобед* и *от 14 до 18 следобед*, ср. в русском представлении: врач принимает *с 10-ти утра до 2-х дня* и *с 3-х дня до 6-ти вечера* (Шмелев 2002: 60). Также, в программе научных конференций в русском узусе: *утреннее заседание* (заседание до обеденного перерыва) и *вечернее заседание* (заседание после обеденного перерыва). В болгарском представлении эти заседания определяются как *предиобедно заседание* и *следобедно заседание*, ср. фр. *séance du matin* и *séance de l'après-midi*.

Обед, с фонетическим вариантом *обяд*, локализуется во времени в середине дня, с 12-ти примерно до 14-ти часов, это время, отведенное для обеда; в народе употребителен его синоним *пладне*, например, *У нас дойде ли пладне – сядат да обядват* (Ал. Константинов). В *следобед*, охватывающий время с середины дня до вечера, выделяются два периода, бытующих в сельских местностях и по сей ден – это *икиндия* и *ракиено време*. *Икиндия* (тур. *ikindi*) – время до захода солнца, к вечеру; обычно в это время заканчиваются крестьянские работы в поле, ср. *Не остава нищо друго, освен да намериш някоя дебела сянка край реката или някое изворче, да полегнеш, ... и в таквоз приятно положение да дочакаш икиндия, когато вечерната хладовина надвива на слънчевите лъчи* (Хр. Максимов). *Ракиено време* наступает после упорной дневной работы, когда уже можно отдохнуть и расслабиться

за рюмкой ракии. Выражение употребляется как приглашение заканчивать работу, ср. *Дойде ракиено време, хайде да свършваме*.

До наступления вечера в болгарском восприятии времени выделяются периоды, прешествующие вечеру и являющиеся отрезками суток – *привечер* и *надвечер*, которые не во всех случаях взаимозаменяемы. *Привечер* – это время, когда подходит вечер, предвечерняя пора, предвечернее время: (1) *Над дворища и градини припада тиха и спокойна лятна привечер* (Г. Караславов). *Надвечер* определяет время, занимающее промежуток времени непосредственно перед вечером, к вечеру; это время воспринимается неоднозначно по отношению к противопоставлению свет-мрак, например, (2) *Вълко пристигна в Къзъклизе надвечер. Слънцето не беше се скрילו и из селото нямаше много хора* (К.Петканов), (3) *Тие се криели през целия ден в лозята и надвечер, като се стъмни, доведе ги при нас един пъдарин* (З.Стоянов) – *надвечер* указывает на какой-то короткий отрезок времени, и поэтому может называть различное время к вечеру (до захода и после захода солнца). Такая же энантиосемичность содержится и в синонимических слову *надвечер* словах *мръкване, мръкнало*, диалектных по происхождению, но весьма употребительных в разговорной речи и нашедших место в письменной речи, например: *В местата, където повърхността на Земята излиза от собствената сянка, настъпва развиделяване – ден, а на местата, които влизат в земната сянка настъпва мръкване или нощ* (Г.Томалевски); *Преди мръкнало ще дойде Хасан паша, може да надзърне и в яхъра* (В.Мутафчиева). *Привечер*, очевидно, называет отрезок, более продолжительным во времени, и поэтому употребляется в контекстах, в которых содержится отсылка к некоторой продолжительной ситуации или в которых описывается некоторый временной застой, ср. *спусна се/настана/падна/ тиха привечер*. Этим объясняется невозможность его замены синонимом в (1).

Вечер, противопоставляясь *утру*, определяется как часть суток от захода солнца до наступления ночи. Граница между *вечером* и *ночью* является неточной, зыбкой, поэтому вечер может плавно перейти в ночь, ср. *Да се завърнеш в бащината къща, / когато вечерта смирено гасне / и тихи пазви тиха нощ разгръща / да приласкае скръбни и нещастни* (Д. Дебелянов), но никак не может продолжаться дольше 11-ти часов вечера; в таких случаях говорят *вечерта се проточи* (“вечер затянулся”). *Вечер* может не соответствовать своему словарному определению, например, в сочетании

вечерен спектакъл: если спектакль начинается в 19 часов вечера летом, то в широтах, в которых находится Болгария, это еще светлая часть суток.

Этикетные формулы.

Национально-специфическими являются и некоторые употребления в этикетных формулах названия и концептуализация времени суток. *Добро утро!*, *Добър ден!*, *Добър вечер!* используются в болгарском узусе как приветствия при встрече соответственно утром, днем и вечером и являются эквивалентами этикетных норм западного речевого этикета, ср. *Bon matin!*, *Bonne journée!*, *Bonne soirée!*, *Have a good day!*, *Have a nice day!* В русском речевом этикете, хотя и ограниченно употребление речевой формулы *Добро утро!*, уместной “только непосредственно после пробуждения, пока участники коммуникации еще не приступили к своей дневной деятельности”, А.Д.Шмелев признает, что это приветствие стало использоваться как стандартное приветствие “в некоторых учреждениях и фирмах России” (Шмелев 2002: 66). В последние 15-20 лет в болгарский этикет вошли формулы *Лек ден*, *Приятен ден* и *Лека вечер*, *Приятна вечер*, в которых содержится пожелание о преодолении трудностей в работе – днем, и об отсутствии напряженности в общении – вечером, даже если говорящему неизвестно, как будет проводить вечер его собеседник. Любопытно утверждение А.Д. Шмелева о том, что в русском узусе “включение в формулу указания на время суток может восприниматься как неуместное вторжение в частную жизнь”, а пожелание *Желаю вам приятно провести вечер* неявно включает предположение, что адресат речи предполагает идти развлекаться” (Шмелев 2002: 67). Для носителя болгарского языка не имеет значение, как будет заниматься его собеседник вечером – пойти в дискотеку, встречать гостей, сидеть дома перед телевизором, или с книгой в руках – пожелание имеет наиболее общий, абстрактный смысл и отнюдь не считается вторжением в частную жизнь. Пожелание является фактом вежливости и воспитания. Пожелание *Приятен ден* воспринимается и как пожелание приятно провести день, и как пожелание не испытывать трудностей в работе. Данные этикетные формулы приняты в общении как между знакомыми, так и между незнакомыми, например, в магазине со стороны продавца, в такси из уст таксиста и т.п. Наряду с традиционными этикетными формулами-пожеланиями *Лека нощ!*, *На добър час!*, ср. рус. *Спокойной ночи!*, *В добрый час!* В болгарском узусе употребительны и сравнительно недавно появившиеся формулы *До вечерта!*, *До утре!* как пожелания о скорой встрече.

Анализ слов, называющих части суток, дает возможность проследить эквивалентность и неэквивалентность названий в различных языках в результате различия в концептуализации этого времени. Специфические явления в этом аспекте позволяют закрепить убеждение о разнице в восприятии отрезков времени в различных этнокультурах и о различном национальном сознании в то время, как общность восприятия объясняется наличием культурного взаимодействия.

Литература

- Апресян Ю.Д., 1995, *Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография*, Москва: Школа "Языки русской культуры".
- Всеволодова М.В., 1975, *Способы выражения временных отношений в современном русском языке*, Москва.
- Иванова Т.С., 1998, *Функциональная грамматика. Выражение временных отношений в русском языке (на фоне болгарского языка)*, Шумен: Унив.изд."Епископ Константин Преславски".
- Кронгауз М.А., 1989, *Время как семантическая категория имени. – Вопросы кибернетики. Семиотические исследования*, Москва.
- Кронгауз М.А., 1990, *Структура времени и значение слов. – Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*, Москва.
- Лотман Ю.М., 1987, *Несколько мыслей о типологии культур. – Языки культуры и проблемы переводимости*, Москва: Наука.
- Мелетинский Е.М., 1980, *Время мифическое. – Мифы народов мира*, т. 1, Москва: Советская энциклопедия.
- Мелетинский Е.М., 1991, *Время мифологическое. – Мифы народов мира*, т. 1, Москва.
- Мурьянов М.Ф., 1978, *ВРЕМЯ (понятие и слово)*, "Вопросы языкознания", № 2.
- Падучева Е.В., 1988, *К семантической классификации временных детерминантов предложения. – Язык: система и функционирование*, Москва.
- Падучева Е.В., 1999, *К семантике слова время: метафора, метонимия, метафизика. – Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч.Вс.Иванова*, Москва.
- Пете И., 1976, *Способы выражения временных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка*, Budapest.
- Петрова К., 1995, *Психолингвистическое исследование лексико-семантических групп с идентификатором сутки в русском и деиноночии в болгарском языках. – Съпоставително езикознание, XX*, кн. 1.

- Петрова К., 1995₂, "Нарисуйте сутки" – психосемантическое исследование (сутки в русском и денонощие в болгарском языках как идентификаторы лексико-семантических групп). – *Съпоставително езикознание*, XX, кн. 3.
- Петрова К., 1997, *Фрагмент языковой картины мира ("24 часа" в русском и болгарском языках)*. – *Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным*, Пловдив.
- РБЕ, 1977-2004: *Речник на българския език*, т. 1-12, София: БАН.
- Станков В., 1969, *Българските глаголни времена*, София.
- Степанов Ю.С., 2004, *Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп.*, Москва: Академический Проект.
- Тураева З.Я., 1979, *Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка)*, Москва.
- Шмелев А.Д., 2002, *Русская языковая модель мира: Материалы к словарю*, Москва: Языки славянской культуры.
- Яковлева Е.С., 1994, *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия)*, Москва: Гнозис.
- Яковлева Е.С., 1995, *Час в русской языковой картине времени*. „Вопросы языкознания”, № 6.
- Яковлева Е.С., 1997, *Час в системе русских названий времени. – Логический анализ языка: Язык и время*, Москва.
- Ducrot O., Todorov Tz., 1983, *Encyclopedic Dictionary of the Science of Language*.
- Wierzbicka A., 1972, *Semantic Primitives*, Frankfurt-am-Main.

“Time” in the Bulgarian Language Consciousness

The paper dwells on the phenomenon “time” in the Bulgarian language consciousness. The paper also focusis on the semantics and the use of lexims wich are connected with the segmentation of day and night.

Keywords: *time, language consciousness, usus (use)*.